

DOI: 10.23681/500154

*М. В. Первушин*

## **ЧЕРТЫ «ЧЕЛОВЕЧНОСТИ» У ПИСАТЕЛЕЙ-ИНОКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ (XV В.)**

*Аннотация:* Статья посвящена исследованию древнерусской монашеской литературы (монастырские уставы, завещания основателей монастырей, духовные грамоты, послания и другие сочинения иноков) на предмет наличия в ней практического, бытового благочестия, заповеданного ученикам и последователям, а именно такой его стороны, как милосердие.

*Ключевые слова:* Древняя Русь, древнерусская литература, поэтика, герменевтика, агиография, эстетика, средневековье.

*M. V. Pervushin*

## **ATTRIBUTES OF “HUMANITY” IN THE WORKS OF WRITERS- MONKS OF THE ANCIENT RUS (15 CENTURY)**

*Abstract:* The article is devoted to the study of Old Russian monastic literature (monastic charters, wills of monasteries founders, testaments, letters, monitories, messages and other writings of monks) for the purpose of determining the availability of practical and everyday piety, commanded to disciples and followers, namely of such a feature as charity.

*Keywords:* Ancient Russia, Old Russian literature, poetics, hermeneutics, hagiography, aesthetics, Middle Ages.

Милосердие – это добродетель сердца.  
Милостыня и подаяние – лишь проявления,  
а не сущность этой добродетели.

*Джозеф Аддисон<sup>1</sup>*

В наше время на вопрос: «Может ли христианин руководствоваться изречением: “Я человек, и ничто человеческое мне не

---

<sup>1</sup> Джозеф Аддисон (Joseph Addison; 1672–1719) — публицист, драматург, политик и поэт, который стоял у истоков английского Просвещения. Автор популярной в XVIII в. трагедии «Катон» (1713).

чуждо”<sup>1</sup>» – вполне естественно услышать отрицательный ответ, так как в современной жизни и культуре этот афоризм стал удобной и емкой формулой оправдания человеческих слабостей. Такое понимание этой фразы возникло в эпоху Ренессанса. Именно тогда она использовалась философами-гуманистами для апологии человека и оправдания его слабостей и пороков<sup>2</sup>, но первоначальный смысл высказывания был прямо противоположен современному пониманию.

В древнеримской литературе это изречение встречается и у Цицерона<sup>3</sup>, и у Сенеки<sup>4</sup>. Однако впервые оно появилось в 162 г.

<sup>1</sup> «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» (лат.).

<sup>2</sup> Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) писал: «Человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения» («Речь о достоинстве человека»). Эразм Роттердамский (1466–1536), отвечая на резкие и грубые высказывания Мартина Лютера, замечает: «Если бы ты ограничился двумя или тремя выпадами, могло бы показаться, что они вырвались у тебя случайно, но эта книга повсюду кипит поношениями! Ими ты начинаешь, ими ты и заканчиваешь. Если бы ты удовлетворился одной из насмешек такого рода, как называя меня “бревном”, “ослом” или “грибом”, я бы не ответил ничего, кроме слов: “Я — человек, и, думаю, ничто человеческое мне не чуждо» [15, с. 582].

<sup>3</sup> Марк Туллий Цицерон (106–43 до Р.Х.) использовал афоризм Теренция: «Природа создала нас для того, чтобы мы разделяли между собой всю совокупность прав и пользовались ими все сообща. И я, говоря “природа”, хочу, чтобы во всем этом рассуждении меня так и понимали. Но испорченность, связанная с дурными наклонностями, так велика, что от нее как бы гаснут огоньки, данные нам природой, и возникают и укрепляются враждебные им пороки. И если бы люди — как по велению природы, так и в силу своего суждения — признавали, что “ничто человеческое им не чуждо”, как говорит поэт, то все они одинаково почитали бы право» [19, с. 99].

<sup>4</sup> Луцилий Анней Сенека (ок. 4 до Р.Х. – 65 по Р.Х.). Он так писал: «Природа производит нас всех братьями, сделанными из одних и тех же элементов, назначенными к одним и тем же целям. Она вкладывает в нас чувство любви, делая нас общительными, дает жизни закон равенства и справедливости, и, согласно ее идеальным законам, нет ничего более низменного, чем обидеть, лучше уж быть обиженным. Она заставляет нас быть готовыми оказывать помощь и делать добро. Сохраним же в сердцах и на устах слова: “Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо”. Будем же всегда помнить, что мы рождены для общества, а наше общество — это что каменный свод, который только потому не падает, что камни, опираясь один на другой, поддерживают друг друга, а они, в свою очередь, крепко держат свод» [16, п. ХСV].

до Р.Х. в комедии Теренция<sup>1</sup> «Самоистязатель»<sup>2</sup>. В устах одного из героев произведения фраза о причастности человека ко всему человеческому имеет смысл соучастия одного человека в радостях и печалях другого, т. е. сопереживания другому, помощи ему<sup>3</sup>.

Какая связь сказанного с заявленной темой? Попытаемся разобраться, не чуждо ли было то самое человеческое монашествующим, оставившим для потомков уставы основанных ими монастырей. Оговоримся, что в статье не используются жития святых, живших в этот период, а только духовные грамоты (завещания) основателей монастырей, авторские уставы (не богослужебные, а дисциплинарные его части), послания и т. п., т. е. то, что является письменным свидетельством практического, бытового благочестия, заповеданного ученикам и последователям. Безусловно, наиболее изученной стороной монастырского устава является его литургическая часть, черты же иноческого благочестия изучены мало. Нельзя сказать, что они совсем были обойдены вниманием исследователей. Многие уставные памятники были изданы, переведены на современный русский язык, однако мало кто пытался провести анализ и сделать обобщение взглядов преподобных писателей как в целом на иноческое благочестие (если угодно святость), так и отдельно по каждой из его черт. Не возьмем на себя смелость такого обобщения и мы, а лишь поставим «к вопросу о...» в заголовке своего сочинения.

В качестве источников для исследования воспользуемся 7-м томом «Истории российской иерархии» епископа Амвросия (Орнатского), изданного Т. В. Суздальцевой [2], а также сочинениями преподобных Нила Сорского († 1508) [14], Иосифа Волоцкого

<sup>1</sup> Публий Теренций Афр — родился ок. 195, умер в 159 до Р.Х.

<sup>2</sup> В русских изданиях. Дословно — «Наказывающий сам себя» («Неаυτοτιμοϋμενος»).

<sup>3</sup> В пьесе рассказывается, как Клиния, сын старика Менедема, влюбился в соседскую девушку. Отец, чтобы прекратить общение, обошелся с сыном сурово. Клиния уехал из дома и поступил на военную службу. Отца сильно мучила совесть. Он стал изнурять себя непосильным трудом в поле, исполняя работу, которую раньше делали его рабы. Старик сосед Хремет спрашивает Менедема, почему он с утра до вечера себя изнуряет, имея богатое поместье и рабов: «Ни отдыха, ни сроку не даешь себе». И слышит в ответ: «Неужто мало дела у тебя, Хремет? В чужое дело входишь! До тебя оно совсем и не касается». Хремет возражает: «Я человек! Не чуждо человеческое мне ничто. Дозволь вопрос, дозволь и увещание. Коли ты прав, так буду поступать и я, не прав — я отклонить тебя попробую» (Акт 1. Сцена 1).

(† 1515) [4; 7, прил. 11, 25–27, 33–34; 11, с. 128–144] и Иннокентия Комельского († 1521) [14]<sup>1</sup>.

История монастырских уставов за весь древнерусский период (вплоть по XVII в.) очень фрагментарна и крайне темна [18, с. 157]. Большинство монастырских уставов обозначенного периода обязаны своим возникновением личной инициативе отдельных подвижников. В сущности, все они появились потому, что подвижники стремились с их помощью устроить внутреннюю монастырскую жизнь в основанных ими обителях так, чтобы она наилучшим образом соответствовала их аскетическим идеалам. Эти уставы должны были также способствовать тому, чтобы заведенный порядок сохранялся как можно дольше и после их кончины.

Все уставы больше связаны с историей отдельных обителей и с нравственным богословием Древней Руси, чем с общей историей древнерусского монашества. И в то время для монашества была характерна нерасположенность к письменному монастырскому уставу. Как отмечал преподобный Иосиф Волоцкий, его современники, иноки северных обителей, с упорством утверждали: святые отцы, издревле подвизавшиеся в Русской земле, не составляли писаных правил или уставов, а поучали иноков живым словом, поэтому, мол, и теперь не следует писать монастырских уставов, а наставлять братию надо устно [1, с. 547–548]. В связи с этим ценность имеющихся у нас письменных памятников, созданных основателями монастырей, только возрастает.

Первый авторский устав был написан **преподобным Евфросином Псковским** (†1481) предположительно в середине XV в. Своеобразие его устава заключается в том, что в нем содержатся лишь дисциплинарные требования и совсем не затрагивается богослужение [17, с. 271, 275–278, 508]. В евфросиновом уставе две главы (25 и 26) посвящены состраданию монашествующих к другим людям (странным, бедным, нуждающимся). Вот сжато тот завет, который оставил преподобный отец о сострадании к ближнему: «*О странноприимстве*: Еще ж и о странных прихождении вспомяну, егда приходят к вам... всяко потщитися прияти или покоити страннаго... три дни... на дело не нудите его ни слова тяжкарцете ему... и отпускающе же дадите милостыню елико по силе (25). *О подаянии от обители*: Не станет у него хлеба и пришед начнет просити дадите ему елико требует, а еже кто и хочет ку-

<sup>1</sup> Общая характеристика периода см. в: [12].

пити на денги никакоже тако оучините, но туне давайте... иже кто продает хлеб печеный под запрещением великим таковыи, все бо Божие есть, или хлеб, или риза, или злато, или сребро (26)...» [2, с. 54–55].

Младший современник Евфросина **преподобный Нил Сорский** был таким же ревнителем и поборником истинного иноческого жития, как и Евфросин. Почти такими же, как и у Евфросина, были его представления о повседневной жизни монаха, о рукоделии, молитве и нестяжательстве. Оба подвижника в сущности стремились к одной цели – устроить иноческую жизнь так, чтобы уберечь ее от обмирщения. Однако если Евфросин выделяет в своем уставе место для такой добродетели, как милосердие и любовь к ближнему, то Нил смотрел на иноческое сострадание несколько по-другому.

У преподобного Нила мы находим подробное изображение духовной брани против искушений, которые встречают инока на его пути к христианскому совершенству, и наставления о том, как вести эту брань. Он бывает крайне немилосерд к нежелающим отсечь свою волю, призывая изгонять таковых без оглядки на человеколюбие и заботясь лишь о душе своевольника [14, с. 86–87], тоже отчасти проявляя к нему сострадание, ведь «отгнавый бо множицею отгнаннаго смиреннейша сътвори...» (изгнавший часто заставляет изгнанного быть смиреннейшим и впредь отсекал свою волю) [14, с. 86–87].

Призыв преподобного Нила к состраданию в его сочинениях уже не выделяется в отдельный раздел, как у Евфросина, но звучит еще довольно громко. Вместе с тем в его трудах просматривается то отношение к милосердию (как следствие сострадания), которое потом станет доминирующим не только у ближайших последователей, но даже и у его современников. Так, в «Предании» преподобный Нил пишет: «При покупке же потребного нам и при продаже сделанного руками подобает не вводить в убыток брата, а скорее самим терпеть ущерб. Также и работающих у нас, если случится кто от мирских, не подобает того, что должно дать, лишать, но и больше надо подавать им с благословением и отпускать их с миром...». И добавляет после этого: «Явлен бо есть инок он, иже не подлежит творити милостыня (перевод: ведь явно, что инок – тот, кому не надлежит творить милостыню)», ссылаясь на подвижника древней Церкви Исаака Сирина (VII в.).

В чем, по мнению Нила, заключается монашеское сострадание к ближнему? «Иноческая милостыня – помочь брату словом во

время нужды и утешить его скорбь рассуждением духовным, но и это – для тех, кто может. Для новоначальных же – претерпеть скорбь, обиду и укоризну от брата, и это душевная милостыня, и она настолько выше телесной, насколько душа выше тела... Если же кто-то странствующий придет, упокоить его надо, сколько нам по силам, а потом, если попросит, дать ему благословение, хлеба и отпустить его». Причем поучения старцев (т. е. совершенной братии) к новоначальной братии как милостыня регулируется, по мнению Нила, Промыслом Божиим, который по милости Своей, «умалает у святых благодать на время», чтобы могли послужить братии «поучением о благочестии» [14, с. 120–121]. Кроме того, и новоначальным, живущим вместе, Нил рекомендует сострадать и творить милостыню в поучениях друг к другу для вразумления и укрепления: «Брат, когда ему помогает брат, – как град крепкий...» и «если кому-то Бог подаст больше разуметь, брат брата назидал и друг другу помогал при нападениях бесов и терзаниях от страстей» [14, с. 198–199].

Помощь словом – вот главная черта проявления сострадания монаха, согласно Нилу. Это всё, что может и должен дать монах ближнему. Преподобный посвящает этой черте довольно места в своем «Уставе», «Предании» и посланиях. «Если случится тебе задать вопрос или дать ответ кому-либо, – пишет Нил в послании к Вассиану, – благожелательно и ласково беседу веда с любовью духовной и смирением истинным, без лености и не обижая брата» [14, с. 228–229]. И, как бы тяжело ни было Нилу исполнять эту заповедь самому («что бо аз реку, не сътворив сам ничто же благо» [14, с. 222–223]), он старался, считая ее исполнением евангельской заповеди любви к Богу и ближнему [14, с. 254–255]: «Это ведь и есть истинная любовь к ближним – воздвигнуть их совесть к любви Божией... насколько возможно» [14, с. 254–255]. «Если какой-то брат обращается именно к нам и поистине нуждается в слове Божиим, то, если имеем, мы должны подать ему не только слово Божие, но, по свидетельству апостола, и свою душу (см. 1 Фес. 2: 8)» [14, с. 236–237]. Однако выбор, с кем вести беседы, остается за самим адресатом, Нил же дает только направление: «Общайся с таковыми и помогай тем в делах, кто духовно мыслит, каковые суть дети Божиих тайн. С людьми иного рода беседы, пусть и малые, иссушают цветы добродетелей, только-только расцветающие от сохранения безмолвия и наполняющие мягкостью и молодостью сад души, насаженный при источниках вод покаяния, как сказал премудрый святой» [14, с. 236–237].

Порой у преподобного Нила милостыня упоминается не ради любви к ближнему, а ради аскезы как таковой: лучше нищим раздать то, что хочешь принести в храм ради украшения (со ссылкой при этом на Иоанна Златоуста), потому что монашествующим не подобает иметь «сосуды золотые и серебряные, будь то самые священные» [14, с. 88–89]. Иногда Нил рекомендует использовать сострадание к ближнему как орудие борьбы с гневом, призывая себе в подтверждение евангельский текст: «Добро творите ненавидящим вас» (ср. Мф. 5: 44). Причем любовь и милость к ненавидимому брату выражается в молитве за него, а вот просьба у Бога помиловать просящего за молитвы ненавидимого – это уже смирение [14, с. 228–229].

Дважды Нил указывает братии на непосредственное проявление сострадания к ближнему, научает любви к своему брату не просто в теоретических пассажах, а на практике. Именно в этих эмоциональных проявлениях раскрывается милосердие самого преподобного Нила, нисходящего к немощи брата: «Если же кому-то причиняет вред какая-то пища – или по некоей немощи, или по естеству, – да не принуждает себя принимать ее, но принимает то, что ему полезно» [14, с. 136–137], «если же кто-то из-за труда путешествия или какого-то тяжелейшего дела снизоидет немного к телу и чуть добавит к обычно потребляемому, это не зазорно – и в пище, и в питии, и во всяком покое, – потому что поступил, соображаясь со своей силой» [14, с. 138–139].

И все-таки на первом месте у преподобного Нила, как делателя умной молитвы, созерцателя Божьего, стоит подвиг истинного отсечения и беспопечения, «каковое есть умерщвление для всего», даже для дел сострадания: «Маленький волос тревожит око, а маленькое попечение заставляет исчезнуть безмолвие... да будет твое житие безмолвно и беспечально, для всех умерщвлено» [14, с. 188–191].

Следующий автор – **преподобный Иосиф Волоцкий**. Иосиф Волоцкий писал много и охотно. До нас дошло далеко не все написанное Иосифом. Сам Иосиф в своих произведениях раскрывается с разных сторон своей многогранной натуры. В зависимости от задач, обстоятельств и даже от адресата. Например, в «учительных» посланиях светским людям Иосиф, как заметил И. П. Еремин, – «старец», «грешной и неразумной», «многую грубостью» одержимый, благостный и кроткий [3, с. 3–4].

Безусловно, для многих преподобный Иосиф Волоцкий – это в первую очередь истовый ревнитель веры, суровый и

непримиримый гонитель еретиков. Подавляющее большинство произведений Иосифа посвящено именно этой теме. Опустим отношение преподобного к еретикам, а сосредоточимся на чувстве сострадания и, как его следствие, милосердии.

«Устав» преподобного Иосифа, как и «Устав» преподобного Евфросина, общежительный. Однако у второго он слишком краток, «Устав» же первого представляет собой нечто вроде собрания поучений об основных правилах иноческого жития, до мелочей регламентирующий повседневную жизнь монастыря и при этом особое внимание уделяющий внешнему поведению инока. Существуют две редакции этого памятника – краткая (конец XV в.) и пространная или минейная (начало XVI в.) [10], включенная в Великие Чети-Минеи.

Устав преподобного Иосифа, как не покажется это странным, вообще молчит о милосердии как таковом, и не только отсутствием отдельных глав (какие имеются у Евфросина), но и любыми упоминаниями об этом (какие наличествуют у Нила). «Устав» Иосифа регламентировал всю монашескую жизнь обители и каждого инока в ней: неуклонное соблюдение порядка во время молитвы и на трапезе, запрещение отлучек из монастыря, специальные меры против пьянства и разврата, обязательность постоянного труда для монахов, их полное нестяжание.

В контексте личного нестяжания Иосиф говорит и о милостыне, т. е. не ради любви к ближнему, а исключительно ради аскезы (что уже встречалось у Нила Сорского). Иосиф пишет о милостыне, основываясь на евангельской проповеди Христа: «Всяк от вас, иже не оставит всего своего, не может быть мой ученик» [4, с. 308] (ср.: Лк. 14: 33). Преподобный игумен приводит притчу о монахе, продавшем имевшееся у него «единое евангелие» и раздавшем нищим полученные деньги со словами: «Продах глаголющее ми присно: Продай же имение свое и даждь нищим... Аще хочешь жити в общем житии, да отречеши всякия вещи... тако можеши в общем житии спастися» [4, с. 308]. Принцип монашеского «общежития» совпадает, таким образом, здесь с принципом полного личного нестяжания. Монах, живущий в «киновии» (общежительном монастыре), не должен даже употреблять слов «твое» и «мое» или «сего» или «оного». Если же этот принцип не соблюдается, то «не подобает сия общая жития нарицати, но разбойничская съборища и святокрадения и всякого лукавства и злобы исполнена» [4, с. 308–309]. При таком строгом житии действовал принцип уже цитированный нами при разборе сочине-

ний Нила Сорского: «Инок – тот, кому не надлежит творить милостыню». И это понятно в материальном контексте, у нищего нельзя требовать милостыни.

О «внутренней милостыни», о сострадании сердца преподобный Иосиф молчит. Единственное упоминание об этом внутреннем делании присутствует в десятом слове минейной редакции «Устава», известным под названием «Отвещание любозазорным и сказание вкратце о Святых отцах». Несколько раз в этом слове Иосиф, описывая того или иного преподобного отца основателя, отмечает: «бяху бо милостиви, егда подобаше», или: «бяхе же щедр и милостив, егда подобает, и жесток и напрасен, егда потреба», или: «бяхе жесток егда потреба, и милостив егда подобаше» и т. п. А вот когда подобает быть милостивым, Иосиф не указывает. Лишь однажды, повествуя о блаженном Савве<sup>1</sup> «иже бяхе настоятельствуя в Савине монастыри в Тверских пределах...», который «и малая согрешения и безчинства презирати, вопреки же глаголющих и безчинствующих овогда жезлом бяхе, овогда и в затвор посылаше; бяхе жесток егда потреба, и милостив егда подобаше» [2, с. 102–104], Иосиф приводит конкретный пример милостивого отношения к провинившемуся. «Сему некогда наказующу брата безчинствующа и браду свою в окно изложивша, брат же, подвигся от некоего беса, и обеа рукама браду его ухвати и мало остави, всю же исторг; братия же похитиша его и приведоша ко блаженному Саве, вопрошающе его: “Како велит сего мстити?” Он же рече им: “Аз убо и жезлом бию, и в запор отсылаю монастырскаго ради безчинства и братняа ради обиды, *своя же ради обиды не подобает ми мстити, но вся терпети*”. Видев же брата кающася о своих согрешениях, прости его вскоре; брат же приим прощение, пребысть в монастыри оном в покаянии и умилении даже до дне смерти своя» [2, с. 104].

Кроме «Устава» преподобного Иосифа имеются несколько его посланий. В них Иосиф не жалеет языковых средств для обоснования необходимости милосердия адресата «к сущим» под ним. В одних посланиях Иосиф преподавал власть имущим адресатам наставления заботиться об «общем народе», напоминал об ответственности, которую они несут перед Богом за жизнь своих подданных (например, предлагал установить твердые цены и тем предотвратить растущее оскудение; «многие ныне люди мрут

<sup>1</sup> Преподобный Савва Вишерский (конец XIV в.), основатель Саввина монастыря на реке Тьма.

гладом, – писал он, – а кроме тебя, государя, некому той беде по-собити» [4, с. 235–236]). В других – напоминает слова «Писания» о том, что подобает всякому человеку «десятину Богу подавати от имения и от чад и от рабов» и «пещись еже о спасении» душ раб своих. В третьем случае преподобный Иосиф прямо обличает в послании жадность (т. е. немилосердие) адресата по отношению к братии обители (который, в свою очередь, обвинил Иосифа, что взимаемая монастырем плата за упокой – «грабеж»): «Писала если к нам: “Коли у меня было, и яз милостиню давала”. Ино, госпоже, коли у тебя не будет, и Бог на тебе не истяжет, а только у тебе будет, а не даеш по своих детех участия и наследья их... а даром священник ни одное обедни, ни панафиды не служит» [4, с. 179–180].

Позиция преподобного Иосифа в вопросе монастырской земли и монастырских крестьян обнаруживает определенную пристрастность Волоцкого игумена в их защите. О. Миллер, правда, отмечал «человечность» Иосифа в его послании вельможе о голодающих рабах и видел в этом доказательство противоречивости его характера [12, с. 530–533]. А. Кадлубовский, возражая О. Миллеру, находил, что преподобный Иосиф и здесь обнаруживал «внешнее отношение к закону любви и милосердия» [6, с. 52–255]. Только одно послание «Некому вельможе о его рабах», исходя из текста, является, бесспорно, более беспристрастным, чем остальные. В нем речь идет о «рабах и сиротах» некоего вельможи, не имеющих никакого отношения к монастырю, а поводом к написанию послания был дошедший до Иосифа «слух» о крайне тяжелом положении этих «рабов и сирот». Впрочем, и в этом некоторые исследователи сомневаются [9, с. 63].

В своем знаменитом «Просветителе» преподобный Иосиф видит милость христианскую в предании смерти еретиков («если кто-нибудь убьет по воле Божией – убийство это лучше всякого человеколюбия. Если же кто-нибудь и окажет милость, из человеколюбия, но вопреки воле Божией, – милость эта недостойнее всякого убийства» [4, с. 317–334]), напоминает читателю о необходимости «утешати» церкви и монастыри «в нищете их» принесением в дар всего того, что читатель имеет «в дому своем потребно», советует отдавать десятую часть «имения» Богу [4, с. 358–359] и заверяет, что перечисленные им добродетели лучше «венца царева – той бо в ад сведет, а сия в жизнь вечную введет» [4, с. 360], речь идет о призыве к милосердию и состраданию богатых и властью обремененных к монастырю.

В единственном седьмом слове «Просветителя», в заключительной его части, преподобный Иосиф дает читателю «своеобразный кодекс идеального христианина», как метко определил этот текст профессор В. М. Кириллин, но это скорее лишь исключение, подтверждающее правило [8, с. 309], к разбору которого требуется специальный подход.

Таким образом, сострадание в сочинениях преподобного Иосифа представлено крайне ограничено. Монастырь для Иосифа – это прежде всего школа дисциплины и субординации, а послания внешним – определенный вид фандрайзинга<sup>1</sup>. Впрочем, такой подход преподобного вполне объясним. Милосердие – добродетель сердца, как и молитва, поэтому Иосиф, несомненно, обладая личным состраданием к ближним, не говорит об этом в своих сочинениях, обходящих молчанием вообще какое-либо внутреннее делание.

Попытку соединить два вида монашеского жития (Нила и Иосифа) находим в монастырском уставе **преподобного Корнилия Комельского** (+1538). Его «Устав, или Правила о житии» за основу монашеского аскетизма берет и строгое общежитие, и совершенное нестяжание. Что касается интересующего нас вопроса, то Корнилий упоминает о милосердии к болящей братии (подобно Нилу), а также косвенно говорит о питании монастырских крестьян и «странных» [2, с. 175]. Особо Корнилий останавливается на принципе, что иноку «не надлежит творить милостыню»: «Никто никому ничего не делают, ниже в милостыню дают: но сделав то, всем относити все в казну монастырскую. Милостыня бо в монастырех и нищепитательство обща суть» [2, с. 177]. И несколько глав Корнилий посвящает запрету от кого-либо принимать братии милостыню (7, 8, 12) [2, с. 178–180, 183–184], и также упоминает о милостыне ради нестяжания.

Если отойти назад, к началу XV столетия, то там мы обнаружим послание **святителя Киприана Московского** игумену Афанасию Высоцкому, ученику преподобного Сергия. В его наставлении братии монастыря ясно показано, что если монастырь взял ответственность за земли и села на них, то надо «стояти за

<sup>1</sup> Процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов организаций (преимущественно некоммерческой) с целью реализации как определенного социального проекта, так и серии проектов, объединенных одной общей идеей или же «вектором движения». Средства могут поступать от частных лиц, коммерческих организаций, фондов, правительственных организаций.

обидимых... не выдати в обиду своих людей... и о них печаловатися» [2, с. 230–231]. Так же и в «Завещании» **преподобного Никона Радонежского**, буквально в несколько строк, незабыто «о человеколюбии слово»: «ни единого приходящих тщам отпустили рукама, да не како утаится вам Христа презрети, единого от просящих видом показавшася» [2, с. 241]. Также и в «Уставе» **преподобного Павла Обнорского**: «со всем тщанием братии служа... всем служа... любовью друг друга превосходите... друг друга честию больша себе творяща» [2, с. 243].

Если шагнуть вперед (во вторую треть XVI–XVII вв.), в уставном правиле **митрополита Даниила**, младшего современника Иосифа, ставшего Волоколамским игуменом после смерти преподобного, — молчание о милосердии. Также и в уставах **Пешношского монастыря**, **Флорищевой** пустыни и др.

Что это? Оскудение любви?

Возвращаясь к вопросу о чуждости монашествующим всего человеческого, из полученных наблюдений можно сделать и такой вывод, который, кстати, делали не только многие светские, но и церковные исследователи как до революции, так и в советское время. Например, архиепископ Можайский Леонид (Поляков) в 1962 г. в журнале «*Stimme der Orthodoxie*» увидел в Ниле воплощение любви, а в Иосифе — полную противоположность Нилу, и не он один, и даже сегодня.

Однако можно посмотреть на эти закономерности и с другой стороны. Облик христианской духовной жизни многогранен. Сегодня, как, впрочем, и на всем протяжении истории человечества, существуют разные категории лиц, неодинаково понимающих религиозное призвание человека. Каждая категория имеет и положительные, и отрицательные черты, имеет и свои правила, в том числе письменные. И конечно же, всякий раз возникает соблазн предать дух форме, любовь — уставу. Но стоит задуматься: возможно ли это сделать и что из этого получится?

Исполнение устава — это так называемое послушание, за нарушение которого (т. е. проявление своеволия) даже изгоняли из монастыря (у Нила Сорского, например). Если включить любовь к ближнему (сострадание, милосердие) в общий ритм монашеской жизни, тот который был, например, в Волоколамском монастыре, то отношение к ближнему будет определяться соблюдением устава (т. е. взятым на себя послушанием), а не непосредственной любовью к нему, как определяются послушанием монашеские работы в поварне, огороде и т. п. Любое послушание

должно исполняться одинаково добросовестно и внимательно, одинаково смиренно и бесстрастно. Это упражнения для отсечения личной воли и в конечном итоге для спасения души. И акты христианской любви воспринимаются в таком случае именно как упражнения, как особый вид послушания: предписано любить – должны любить, т. е. как и всякое другое внешнее делание. Таким образом, человек как предмет любви оказывается не целью, а средством для собственной души горе-подвижника (утонченнейший эгоизм). И тогда фраза апостола Павла: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих», т. е. чтобы видеть братьев моих спасенными (Рим. 9: 3), – для такого «подвижника» наверняка будет звучать парадоксально.

Вот что может быть тогда, когда дух будет заключен в форму, а любовь прописана в уставе. Ведь те, кто обвиняет иноческие уставы в отсутствии прописанной в них любви, хочет видеть в них регламент не только для всего комплекса внешних дел, но и для всех движений души. Видимо, таких крайностей желали избежать преподобные игумены, пишущие в основном для тех, кто только пришел в монастырь, т. е. новоначальных иноков.

Почему тогда писали другие? Каждый из преподобных писал для своего времени и для своего круга. Такое понижение (или, говоря схоластически, латиницей, девальвация) любви, возможно, говорит об общем падении нравов в обществе, даже скорее доказывает тезис о наступлении времени большей обрядности на Руси. Святость всегда чувствует перспективу развития общества, заранее предупреждая его возможно неправильное развитие или предохраняя от возможных падений.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великие Четии-Минеи Московского митрополита Макария, изданные Археографической Комиссией. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1883. Ч. 1: Сентябрь.
2. Древнерусские иноческие уставы. – М.: Северный паломник, 2001.
3. Еремин И. П. Иосиф Волоцкий как писатель // *Иосиф Волоцкий, преп.* Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. – М.; Л.: АН СССР, 1959.
4. *Иосиф Волоцкий, преп.* Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. – М.; Л.: АН СССР, 1959.

5. *Иосиф Волоцкий, преп.* Просветитель / сер. «Памятники церковной письменности, пред., посл., пер. на русск. яз. Е. В. Кравец, Л. П. Медведевой. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
6. *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1902. Ч. 1–5.
7. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955.
8. *Кириллин В. М.* Истинные воины Царя Небесного. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016.
9. *Лурье Я. С.* Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. – М.; Л.: АН СССР, 1959.
10. *Лурье Я. С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. И. П. Еремин. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 12.
11. *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901.
12. *Миллер О.* Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского // Журнал министерства народного просвещения. 1868. № 2. Ч. 137. – С. 527–548.
13. *Плигузов А. И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI века. – М.: Индрик, 2002.
14. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.
15. *Роттердамский Э.* Гипераспистес // *Роттердамский Э.* Философские произведения. – М.: Наука, 1986.
16. *Сенека Луций Анней.* Нравственные письма к Луцилию / пер., примеч., подгот. издания С. А. Ошерова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1977.
17. *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. – М.: Синодальная тип., 1908.

18. Смолич И. К. Русское монашество. 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
19. Цицерон Марк Туллий. Диалоги / пер. с латинского и коммент. В. О. Горенштейна; издание подгот. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн и С. Л. Утченко. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир» – «Наука», 1994.

*Об авторе / About author*

**Михаил Викторович Первушин** – кандидат филологических наук, кандидат богословия, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: 1609pm@gmail.com

**Mikhail V. Pervushin** – PhD in Philology and Theology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 а, 121069 Moscow, Russia. E-mail: 1609pm@gmail.com